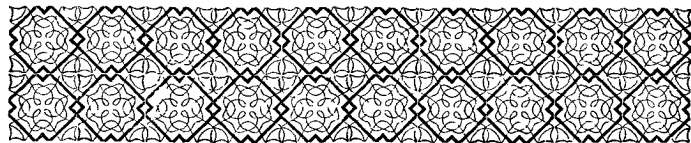

НА ПАРОВОЗЪ.

РАЗСКАЗЪ.

I.

Въ южной полосѣ Россіи, на протяженіи одной желѣзной дороги и почти перпендикулярно къ ней, вытянувшись въ длину, раскинулась большая, зажиточная деревня. Въ двухъ верстахъ отъ нея находился уѣздный городъ, а по другую сторону, въ полуверстѣ — одна изъ главныхъ станцій желѣзной дороги.

Деревня состояла бѣльшею частью изъ крестьянскихъ хатъ, слѣпленныхъ изъ глины и крытыхъ соломой, съ земляными, мазаными глиною полами; этою характерною чертою отличались даже такія хаты, которыя принадлежали очень зажиточнымъ крестьянамъ.

На самомъ краю деревни, примыкающемъ къ станціи, пріютилось нѣсколько построекъ, отличающихся отъ прочихъ и своеобразною архитектурой, и относительнымъ комфортомъ. То были дома, принадлежащіе нѣкоторымъ желѣзнодорожнымъ служащимъ, которые, обжившись на мѣстѣ, постарались обзавестись собственнымъ жилищемъ, черезъ что эти счастливые смертные извлекали двоякую выгоду: во-первыхъ, они жили сами въ болѣе или менѣе удобныхъ помѣщеніяхъ, во-вторыхъ, часть дома отдавали въ наемъ и столовали тѣхъ

служащихъ, которые не имѣли возможности или не находили надобности заводитьсь собственнымъ очагомъ.

Пусть благосклонный читатель послѣдуетъ за нами въ эту деревушку, надъ которою въ то время, когда начинается нашъ разсказъ, стояла темная-претемная, ненастная сентябрьская ночь.

Въ одномъ изъ описанныхъ нами домиковъ, единственномъ, въ которомъ въ эту позднюю пору сквозь щели закрытыхъ ставней пробивался свѣтъ, отворилась калитка, и изъ нея вышелъ какой-то человѣкъ, державшій въ одной рукѣ фонарь съ маленькою керосиновой лампочкою, а въ другой небольшой жестяной ящикъ. Вооруженный этими доспѣхами, человѣкъ побрѣлъ по направленію къ станціи. Кругомъ царили непроглядная тьма и непробудная тишина; только вдали виднѣлось множество огоньковъ, бѣлыхъ, зеленыхъ, красныхъ,—то были станціонные сигнальные знаки,—и отъ поры до времени ночную тишину нарушалъ рѣзкій паровозный свистокъ.

Человѣкъ съ фонаремъ медленно подвигался впередъ. Внизу была невылазная грязь, а сверху порошилъ мелкій, острый дождикъ, самымъ непріятнымъ образомъ хлеставшій по лицу бредущаго человѣка. Онъ освѣщалъ, какъ могъ, свой путь, выбирая болѣе твердыя мѣста, но напрасно: ноги его, обутыя въ длинные сапоги, тонули въ грязи; тяжело дыша, онъ съ трудомъ вытаскивалъ ихъ оттуда, чтобы опять погружать ихъ въ эту густую, убійственную грязь.

Наконецъ, человѣкъ добрелъ до желѣзнодорожнаго пути, гдѣ грязь была меньше и земля тверже. Онъ свободнѣе вдохнулъ полною грудью, и уже болѣе легкою походкою пошелъ дальше. Онъ пересѣкъ главный желѣзнодорожный путь, оставилъ за собою станцію, и

вскорѣ очутился на дворѣ длиннаго, громаднаго, мрачнаго зданія.

Входъ въ это зданіе защищали трое огромныхъ воротъ, сдѣланныхъ аркою, изъ подъ которыхъ выходили три пары рельсовъ, съ неподвижно стоявшими на нихъ паровозами.

Одинъ изъ этихъ паровозовъ, подобно вулкану, собирающемуся къ изверженію, выпускалъ изъ своей трубы черный дымъ, который, смѣшиваясь съ чернотою ночи, терялся въ пространствѣ, а внутри котла его слышался глухой, непрерывный гулъ; другіе, подобно вулканамъ потухшимъ, грузно и безмятежно покоились на своихъ рельсахъ, и не выпускали изъ себя ни одного звука.

Человѣкъ съ фонаремъ, не останавливаясь, подошелъ къ среднимъ воротамъ, ощупалъ вдѣланную въ нихъ маленькую калитку, отворилъ ее, и вступилъ въ это мрачное зданіе, которое внутри было еще мрачнѣе, чѣмъ снаружи. Оно было наполнено дымомъ, который убійственно рѣзалъ глаза; для непривычнаго онъ былъ бы нестерпимъ. Это зданіе представляло собою длинный, громадный сарай, установленный въ три ряда паровозами; нѣкоторые изъ нихъ дымились, другіе—были холодные. На желѣзнодорожномъ языкѣ такое зданіе называется „депо“.

Если бы въ это депо войти днемъ, можно было бы видѣть его голыя стѣны, закопченныя отъ вѣчно царствующихъ здѣсь дыма и пара, громадныя оконныя рамы съ маленькими стеклами, повыбитыми во многихъ мѣстахъ. Паръ, осаживаясь на потолокъ, переходилъ въ жидкое состояніе, и въ видѣ большихъ капель падалъ обратно на полъ, вымощенный булыжнымъ камнемъ. Все это на первый взглядъ производило удру-

чающее впечатлѣніе и возбуждало жалость къ людямъ, обреченнымъ проводить здѣсь всю свою жизнь. Съ одной стороны къ этому зданію были придѣланы двѣ пристройки: въ одной изъ нихъ помѣщалась мастерская, а въ другой—контора начальника депо и дежурная для машинистовъ.

Около калитки, черезъ которую прошелъ человѣкъ съ фонаремъ, на деревянной скамейкѣ, спалъ сторожъ, охраняющій это мрачное зданіе; тамъ находилось еще два-три человѣка, при свѣтѣ факеловъ что-то работавшихъ около дымящихся паровозовъ.

Человѣкъ съ фонаремъ подошелъ къ одному изъ этихъ паровозовъ и освѣтилъ своимъ фонаремъ привинченную къ „тендеру“ *) маленькую желѣзную дощечку, на которой мѣдными буквами значились серія и номеръ паровоза; но не найдя, вѣроятно, того, что ему было нужно, онъ пошелъ дальше, проворчавъ сквозь зубы:

— Что за чортъ, никогда я не найду своего паровоза на мѣстѣ! Опять вѣрно его на дворъ загнали.

Дойдя до противоположной стѣны, въ которой также были вдѣланы трое воротъ, человѣкъ съ фонаремъ повернулъ калитку на ея петляхъ, и очутился на дворѣ, совершенно подобномъ тому, который находился на другой сторонѣ зданія; на этомъ дворѣ также стояло нѣсколько паровозовъ. Одинъ изъ нихъ былъ освѣщенъ: на передней его площадкѣ были прикрѣплены два большіе фонаря съ выпуклыми стеклами, бросавшіе яркій свѣтъ на большое пространство; въ будкѣ паровоза находился маленькій фонарикъ, освѣщавшій

*) „Тендеромъ“ называется та часть паровоза, въ которой помѣщаются уголь и вода.

манометръ; подъ паровозомъ тоже виднѣлся свѣтъ. Человѣкъ съ фонаремъ подошелъ къ этому паровозу.

Это былъ восьмиколесный товарный паровозъ; подъ нимъ можно было замѣтить другого человѣка, который, держа въ одной рукѣ факель, а въ другой маслянку, смазывалъ его. Нужно было обладать не малою сноровкою и ловкостью, чтобы обращаться въ этомъ тѣсномъ пространствѣ, наполненномъ различными частями паровоза, какъ-то: эксцентриками, осями, шпинтонами, и т. д., и производить тамъ нужную работу.

— Воронинъ, это вы? спросилъ человѣкъ съ фонаремъ, подойдя къ паровозу.

— Я! слышался голосъ изъ-подъ паровоза.

— Кто же это перегналъ сюда паровозъ!

— Кто!?! Ужъ конечно не я, а дежурный, отвѣчалъ человѣкъ съ факеломъ, копошась подъ паровозомъ.—Это вамъ бы слѣдовало позаботиться, чтобы до поѣзда паровозъ оставляли въ депо; извольте-ка копаться здѣсь въ грязи!.. Не могъ онъ подождать, пока я хоть паровозъ-то помажу?

— А вы тоже!.. Приходи и бы пораньше, и могли бы смазать паровозъ въ депо, и самому удобнѣе бы было *).

— Какъ это раньше? огрызнулся человѣкъ съ факеломъ,—что я, дежурить здѣсь буду, что-ли? Я какъ слѣдуетъ пришелъ за два часа до поѣзда.

— А кто сегодня дежурный? спросилъ человѣкъ съ фонаремъ.

— Иваненко.

— А Ѳедоровъ гдѣ?

*) Въ паровозномъ зданіи, между рельсами, имѣются канавы, почему тамъ гораздо удобнѣе производить всякія работы подъ паровозомъ, нежели на дворѣ.

— Еще не приходилъ.

— Онъ что-то начинаетъ барствовать, какъ-будто про себя замѣтилъ человѣкъ съ фонаремъ;—надо его проучить маленько.

— Дѣло ваше, отвѣтилъ голосъ изъ-подъ паровоза.

Для бóльшей ясности дальнѣйшаго повѣствованія, необходимо познакомить читателя съ дѣйствующими здѣсь лицами.

Человѣкъ съ фонаремъ, который въ эту темную ночь съ такимъ трудомъ брелъ изъ деревни въ паровозное зданіе, который отворилъ и затворилъ за собою двѣ калитки мрачнаго зданія, который теперь стоялъ около освѣщеннаго паровоза,—былъ машинистъ Ефремовъ. Это былъ человѣкъ на видъ болѣе сорока лѣтъ, но на самомъ дѣлѣ ему было не болѣе тридцати-пяти. Онъ былъ одѣтъ въ замасленную бурку, подбитую овчиной. При свѣтѣ ярко горѣвшихъ паровозныхъ фонарей можно было разсмотрѣть его черствое, грубое лицо, окаймленное круглою темнорусою бородою. Человѣкъ съ факеломъ, который копошился подъ паровозомъ, былъ его помощникъ, Воронинъ. Ѳедоровъ же, котораго упомянулъ въ своемъ разговорѣ Ефремовъ и котораго въ настоящее время не было на лицо, былъ его кочегаръ.

— Что, у васъ скоро будетъ готово? спросилъ Ефремовъ послѣ нѣкоторой паузы.

— Вотъ, сейчасъ кончаю.

— Подождите хорошенько „золотниковые салъники“, тамъ гайки отходятъ... Чего добраго, еще потеряемъ...

— Ладно, сдѣлаемъ, отвѣтилъ Воронинъ такимъ тономъ, какъ-будто ему непріятны были наставленія машиниста.

Послѣ этого, Ефремовъ по двумъ ступенькамъ взобрался на паровозъ. Онъ поставилъ свой жестяной ящикъ на деревянную полку, придѣланную въ будкѣ, открылъ дверки топки и заглянулъ туда, посмотрѣлъ на манометръ, продулъ „водомѣрное стекло“, и сошелъ съ паровоза.

Въ это время между двумя колесами паровоза просунулась рука съ факеломъ, потомъ другая, затѣмъ, ползя брюхомъ, постепенно подвигаясь впередъ, показалось туловище, и наконецъ, обѣ ноги, одна за другою. Только тогда, освободивъ свое тѣло отъ окружающаго его паровознаго механизма, который парализовалъ его свободныя движенія, Воронинъ могъ встать и выпрямиться во весь свой ростъ.

Это былъ совсѣмъ молодой человѣкъ; на немъ была надѣта обыкновенная рабочая блуза; даже при свѣтѣ факела нельзя было отличить, изъ какой матеріи она была соткана, потому что ея первоначальный матеріалъ скрывался за густымъ слоемъ сала, масла и и грязи. Лицо его было задымленное и замасленное, и черты этого лица, на самомъ дѣлѣ можетъ быть пріятныя, искажались подъ покровомъ масла и дыма.

— Воронинъ, когда кончите, заварите чай, да приходите въ дежурную. Пожалуй, до поѣзда еще успѣемъ чайку напиться.

Сказавъ это, Ефремовъ отошелъ отъ паровоза. Онъ прошелъ опять черезъ маленькую калитку въ мрачное зданіе, и направился въ дежурную.

II.

Дежурная для машинистовъ, къ которой направился Ефремовъ, была довольно просторная, но грязная комната. Все убранство ея состояло изъ простого дере-

вяннаго стола, нѣсколькихъ табуретокъ и двухъ кроватей съ грязными тюфяками. На стѣнахъ ея были прибиты различные циркуляры, объявленія и приказы по линіи. Такая комната есть необходимая принадлежность каждаго депо. Здѣсь ежедневно, около восьми часовъ вечера, ко времени выхода наряда, указывающаго, какой бригадѣ, въ какое время и съ какимъ поѣздомъ назначено ѣхать въ теченіе предстоящихъ сутокъ — происходило общее собраніе машинистовъ и помощниковъ. Тогда, въ продолженіе приблизительно часа времени, они толковали о дѣлахъ, близко ихъ касающихся.

Это сборище походило нѣсколько на еврейскій кагалъ: говорили всѣ, перебывая одинъ другого. Все это смѣшивалось въ одинъ общій гулъ, въ которомъ трудно было что-нибудь разобрать, а дежурная наполнялась ѣдкимъ табачнымъ дымомъ, который какъ облакомъ окутывалъ всѣхъ присутствующихъ, и коптилъ этихъ и такъ уже законченныхъ желѣзнодорожныхъ властелиновъ угля и пара. Разговоры ихъ почти всегда вертѣлись около одной и той же темы; говорили о тяжелыхъ поѣздахъ, о встрѣчныхъ или боковыхъ вѣтрахъ, о недоброкачественности угля, о всѣхъ тѣхъ причинахъ, которыя такъ или иначе вліяютъ на расходъ топлива, а слѣдовательно и на карманъ машиниста. Нерѣдко здѣсь „пушили“ начальство, ибо оно употребляло всѣ усилія къ тому, чтобы тѣснить машинистовъ, а никоимъ образомъ имъ не благопріятствовать.

Въ итогѣ всего этого оказывалось, что въ былыя времена все было хорошо и прекрасно, а теперь все дѣлается хуже и хуже. Изрѣдка эти разговоры разнообразились болѣе или менѣе пикантными комментаріями различныхъ интригъ, которыми такъ богата же-

лѣзнодорожная жизнь, а отъ поры до времени между учеными и неучеными машинистами завязывались диспуты на почвѣ техническихъ тонкостей паровознаго дѣла. Машинисты ученые по всякому поводу, а часто даже и безъ повода, старались щегольнуть своими познаніями, и такъ или иначе уколоть своихъ неученыхъ собратьевъ. Послѣдніе отбояривались, какъ могли, и справедливость требуетъ сказать, что если не въ теоретическихъ тонкостяхъ, то на почвѣ практическихъ приѣмовъ, они часто выходили побѣдителями.

Въ то время, когда Ефремовъ вошелъ въ дежурную комнату, тамъ находился одинъ только человѣкъ, который, совсѣмъ одѣтый, спалъ, вытянувшись на одной изъ находившихся здѣсь кроватей.

— Эй, Иваненко, вставай! закричалъ Ефремовъ на спящаго человѣка, — чего спишь, давай лучше чай будемъ пить.

Машинистъ Иваненко, который въ это время былъ дежурнымъ, повернулся, открылъ сонные глаза, и пробормоталъ охрипшимъ отъ сна голосомъ:

— А... что... чай?... Хорошо!.. А ты что людямъ спать не даешь?

— Да развѣ дежурному спать полагается? Ты лучше скажи мнѣ, отчего не оставилъ моего паровоза въ „депѣ“, чтобы его смазать, а загналъ на дворъ?

— Какъ зачѣмъ! возразилъ Иваненко, нѣсколько прочухавшись отъ сна и находясь уже въ сидячемъ положеніи, — вѣдь ты первый на очереди, поэтому, какъ водится, изъ „депа“ алень-маширъ на свѣжій воздухъ, тѣмъ болѣе, что мнѣ надо было поставить туда другой паровозъ для ремонта.

— Такъ ты бы хоть подождалъ, чтобы мой помощникъ паровозъ помазалъ.

— Ну, братъ, это не ждеть; а ты лучше скажи своему помощнику, чтобы онъ раньше приходилъ къ поѣзду, тогда бы и мазалъ себѣ паровозъ въ „депѣ“.

— Я ему это и говорилъ, возразилъ Ефремовъ,— а онъ мнѣ говоритъ, что ты съ самаго вечера паровозъ на дворъ угналъ.

— Такъ ты скажи ему, что онъ вретъ. Я дѣлалъ маневры не болѣе какъ часъ тому назадъ; его тогда и не было, онъ вѣрно сейчасъ только пришелъ.

Съ этими словами Иваненко всталъ съ кровати, пересѣлъ на табуретку и обѣими руками облокотился на замасленный столъ, на которомъ стояла обыкновенная лампа съ жестянымъ резервуаромъ.

— Гдѣ же твой чай? спросилъ онъ Ефремова.

— Вотъ сейчасъ Воронинъ принесетъ.

Говоря это, Ефремовъ поставилъ фонарь на столъ, усялся около своего собрата, и обращаясь къ нему, продолжалъ:

— Это чистая бѣда съ этими помощниками! Вотъ мнѣ ужъ подрядъ другой такой попадается: топить совсѣмъ не умѣетъ, а лѣнивъ—такъ и не приведи Господи! И не смѣй ему еще слова сказать: сейчасъ въ амбицію вламывается.

— Что-жъ ты молчишь? возразилъ Иваненко,— пожаловался бы начальнику: другого дадутъ.

— Легко сказать—жаловаться. Я вотъ уже сбывъ одного, такъ нажилъ себѣ еще худшаго. А будешь часто жаловаться, такъ еще начальникъ обратитъ вниманіе: что это за машинистъ, что себѣ помощника подобрать не можетъ.

— Пустяки!..

— Совсѣмъ не пустяки. Теперь такія времена настали, что начали помощникамъ потачку давать. Я

вотъ недавно пожаловался на своего помощника, Воронина этого, такъ еще самъ въ дуракахъ остался. Вотъ какая ехидная шельма!..

— Какъ же это такъ? спросилъ Иваненко.

— А вотъ какъ: не набиваетъ онъ мнѣ „сальниковъ“ *)—и только; сальники просто свистомъ парятъ, пару не напасешься; а онъ себѣ и въ усь не дуетъ... Что я ему чи скажу, онъ все свое: успѣю, да успѣю... Вотъ я и пошелъ начальнику жаловаться, а онъ вѣрно, бестія, пронюхалъ эго, да поверхъ старой набивки и заложилъ на сксрую руку одну плетенку въ одинъ только сальникъ,—вѣрно плетенку-то укралъ гдѣ-нибудь, потому что я знаю, у него готовыхъ не было. Закрутилъ это онъ гайки, какъ слѣдуетъ, и какъ ни въ чемъ не бывало, копается себѣ около паровоза... Приходитъ начальникъ и говоритъ ему: „Вотъ на васъ машинистъ жалуется, что вы не хотите сальниковъ набивать“. А онъ отвѣчаетъ: „Зачѣмъ я буду набивать, когда сальники вовсе не парятъ, а набивка совсѣмъ свѣжая; если не вѣрите, такъ извольте посмотрѣть сами. А машинистъ имѣетъ на меня злобу, потому что я ему прислуживаться не хочу,—вотъ онъ и жалуется“. Понимаешь-ли ты, какую онъ пулю отлѣпилъ?.. а?..

— Ну, хорошо, а что же дальше-то?

— А дальше вотъ что: начальникъ велѣлъ показать набивку... Онъ это живо отвернулъ гайки, вы-

*) „Сальникомъ“ называется та часть цилиндра, въ которой двигается шпинтонъ поршня. Для того, чтобы паръ, работающій въ цилиндрѣ, не проходилъ въ промежуткѣ между стѣнками сальника и шпингономъ, этотъ промежутокъ закладываютъленьковыми плетенками, пропитанными саомъ. Отъ тренія шпингона эги плетенки со временемъ выгораютъ, и погому требуется огъ поры до времени ихъ обновлять

нуль верхнюю плетенку и показываетъ. Я посмотрѣлъ, да и самъ удивился: что за чортъ,—плетенка какъ есть совсѣмъ новая. Начальникъ тоже посмотрѣлъ, да и говорить мнѣ: „Что же вы, въ самомъ дѣлѣ, напрасно жалуетесь?..“ Сказалъ—и пошелъ. А я уже только послѣ смекнулъ, въ чемъ дѣло. Взялъ я штопоръ, ковырнулъ туда дальше, а тамъ—одинъ мусоръ!

— Ха, ха, ха! засмѣялся Иваненко,—а ты, дуракъ, на удочку и поймался!

— Да на первыхъ-то порахъ не сообразишь. Хотѣлъ я послѣ опять позвать начальника, да ужъ неловко было, да онъ и домой ушелъ.

— Ловко же онъ поддѣлъ тебя, замѣтилъ Иваненко; — вотъ у меня помощникъ, такъ не могу жаловаться: хоть никогда и не гляди за нимъ.

— А этотъ, такъ я тебѣ скажу: только и ходи около него, какъ нянька. Придешь на паровозъ — его нѣтъ, а инструментъ вездѣ разбросанъ: тамъ ключъ, тамъ зубило.., только подбирай послѣ него. А вѣдь отвѣчать-то за все мнѣ приходится...

Въ это время рѣчь Ефремова была прервана приходомъ Воронина, который несъ большой мѣдный чайникъ.

— Ѳедоровъ пришелъ? спросилъ Ефремовъ вошедшаго.

— Пришелъ, отвѣчалъ Воронинъ.

— Что же онъ говоритъ? Отчего опоздалъ?

— Говоритъ, что заспалъ.

Съ этими словами Воронинъ поставилъ чайникъ на столъ. И эти три человѣка, судьбы которыхъ, имѣвшія, быть можетъ, совершенно различныя точки отправленія, подъ давленіемъ закона борьбы за существованіе, слились въ одномъ и томъ же кругѣ, — усердно

принялись въ эту темную, ненастную ночь, за горячій спасительный напитокъ, между тѣмъ какъ миллионы людей въ это время покоились подъ благодатнымъ покровомъ ангела сна.

Но недолго имъ пришлось наслаждаться. Скоро дверь дежурной отворилась, и въ ней показался человѣкъ, въ одной рукѣ котораго былъ фонарь съ тремя стеклами различныхъ цвѣтовъ: бѣлаго, зеленого и краснаго, — этихъ трехъ цвѣтовъ, которые составляютъ альфу и омегу движенія поѣздовъ, которые служатъ главнымъ базисомъ всѣхъ дѣйствій машиниста во время его нахождения на служебномъ посту, которымъ машинистъ поклоняется, какъ индеецъ грозной богинѣ Кали. Машинистъ управляетъ паровозомъ, который двигается, согласно его волѣ, по тому или другому направленію, съ бѣльшею или меньшею скоростью; эти же три цвѣта управляютъ машинистомъ, который повинуется имъ такъ же, какъ паровозъ ему.

Человѣкъ, вооруженный этимъ символическимъ трехцвѣтнымъ фонаремъ, не переступая порога дежурной, обращаясь какъ бы въ пространство, сказалъ:

— Господинъ машинистъ, пожалуйста къ поѣзду.

— Хорошо, отвѣтилъ Ефремовъ.

Затѣмъ, не медля ни минуты, Ефремовъ и Воронинъ забрали свои доспѣхи и отправились къ своему паровозу, на которомъ ихъ поджидалъ кочегаръ Оедоровъ.

Машинистъ Ефремовъ переѣхалъ на главный путь и прицѣпился къ стоявшему на станціи поѣзду... Пришелъ оберъ-кондукторъ, записалъ въ журналъ фамиліи машиниста, помощника, кочегара, и далъ свистокъ отпращиванія, на который машинистъ отвѣтилъ рѣзкимъ, протяжнымъ свисткомъ. Затѣмъ Ефремовъ открылъ

„регуляторъ“—паровозъ дрогнулъ,дохнулъ тяжело,выбросилъ изъ своей трубы, какъ огнедышащая гора,цѣлое облако дыма, пара и пламени, и тяжело пыхтяподъ гнетомъ тяжести, которую навязали ему люди,медленно двинулся впередъ, влача за собою цѣлую вереницу вагоновъ. Дыханія паровоза становились всечаще и чаще, онъ все шибче и шибче подвигалсявпередъ,— и наконецъ, поѣздъ, извиваясь какъ змѣя,понесся полнымъ ходомъ, разсѣкая пространство и освѣщая путь свой двумя свѣтильниками, которые, какъ львы сторожевые, незыблемо стояли на передовой площадкѣ.

III.

Въ настоящее время рѣдко можно встрѣтить человека, который бы не пользовался услугами желѣзныхъ дорогъ; но также рѣдко найдутся люди, которые, преспокойно сидя или лежа въ вагонѣ, роскошно предаваясь усыпляющей качкѣ поѣзда, вполне сознаютъ трудности, которыя приходится преодолевать машинисту, ведущему поѣздъ.

Вести поѣздъ не такъ-то легко, какъ многіе, быть можетъ, думаютъ. Самый опытный, самый добросовѣстный машинистъ, несмотря на свою опытность и свою добросовѣстность, никогда не можетъ быть вполне увѣренъ, что онъ благополучно доведетъ поѣздъ до конца. Даже тогда, когда поѣздъ благополучно доѣхалъ до своего мѣста назначенія, повидимому, безъ всякаго приключенія—даже тогда машинистъ, во время слѣдованія поѣзда, не разъ дрожалъ, не разъ волновался, не разъ можетъ быть душа его уходила въ пятки... Когда машинистъ ѣдетъ съ поѣздомъ, ему часто по-

падаютъ самыя разнообразныя, самыя непредвидѣнныя случайности, которыхъ онъ долженъ или избѣгать, или предупреждать, или, наконецъ, помочь бѣдѣ, когда она уже свершилась, по возможности не задерживая поѣзда. Самая обыкновенная, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самая грозная случайность, которой чаще всего подвергаются машинисты, это—недостатокъ пара, а слѣдовательно и воды въ котлѣ, что угрожаетъ возможностью „сжечь паровозъ“,—вина, которая влечетъ за собою, по меньшей мѣрѣ, увольненіе отъ службы.

Не всѣ, конечно, читатели знаютъ, что такое значить „сжечь паровозъ“. Пусть они не думаютъ, что въ это время паровозъ горитъ, пылаетъ пламенемъ. Нѣтъ, на желѣзнодорожномъ языкѣ это значитъ просто—повредить топку и дымогарныя трубы паровоза настолько, что онѣ дѣлаются уже негодными къ употребленію; тогда паровозъ требуетъ капитальнаго ремонта, что, конечно, обходится не дешево. Добываніе достаточнаго количества пара зависитъ отъ достоинства паровоза, отъ доброкачественности угля и воды, отъ умѣнья топить паровозъ, и отъ многихъ другихъ условій.

Отапливаніе паровоза лежитъ исключительно на обязанности помощника машиниста—работа не такая легкая, какъ можетъ быть на первый взглядъ она кажется, и которая еще усложняется при нехорошихъ качествахъ угля и воды. Искусство же топить паровозъ заключается въ томъ, чтобы, при минимальномъ расходѣ угля, постоянно поддерживать опредѣленное давленіе пара и опредѣленный уровень воды въ котлѣ, а для этого нужно пройти хорошую практику, и кромѣ того, еще нужно обладать особою сноровкою. Если помощникъ машиниста усиѣваетъ ѣхать, не ощущая недостатка ни пара, ни воды, то это составляетъ для не-

го особаго рода удовольствіе. Машинисты особенно дорожатъ такими помощниками, которые настолько хорошо умѣютъ топить, чтобы не доводить ихъ до затруднительнаго положенія недостаткомъ пара.

Однако, оставимъ эти техническія соображенія, и пользуясь временемъ, пока Ефремовъ со своею бригадою мчится на всѣхъ парахъ по гладкому рельсовому пути, бросимъ бѣглый взглядъ на прошлое и настоящее паровознаго дѣла.

Въ былое время, когда желѣзныя дороги только начинали прокладываться по землѣ русской, приходилось пользоваться услугами нашихъ западныхъ сосѣдей, нѣмцевъ. Оттуда преимущественно выписывали машинистовъ. платя имъ большія деньги. Этимъ машинистамъ-нѣмцамъ давали въ ученіе русскихъ, въ качествѣ кочегаровъ и помощниковъ, которые со временемъ тоже дѣлались машинистами.

Въ настоящее время машинисты, знающіе дѣло поверхностно, и то только съ практической стороны, такъ же, какъ и машинисты-нѣмцы, составляютъ отживающую касту. Теперь машинисты вербуются почти исключительно изъ техникумовъ, окончившихъ, по крайней мѣрѣ, техническія желѣзно-дорожныя училища. Въ оное же время было совсѣмъ не то: нерѣдко простой лакей, который заслужилъ особую милость начальника депо, можетъ быть тѣмъ, что превосходно чистилъ его сапоги, производился, послѣ болѣе или менѣе короткой практики, въ машинисты.

Къ такимъ машинистамъ, добившимся до этого званія изъ самой низменной сферы общества, принадлежалъ и Ефремовъ. Въ ранней молодости онъ очутился какими-то судьбами въ деревенской кузницѣ, гдѣ его заставляли держать лошадиныя ноги, носить воду и

уголь, и вообще производить всякія работы, посильныя и непосильныя, а самъ кузнецъ-хозяинъ, какой-то пришлый цыганъ, при всякомъ удобномъ случаѣ усердно награждалъ его пинками. Ефремовъ былъ круглый сирота, и не было у него ни роду, ни племени, ни двора, ни кола, и всѣ его знали подъ именемъ „Ефремки“. Когда стали проводить желѣзную дорогу, въ Ефремкѣ внезапно зародилась мысль поступить на „чугунку“ кочегаромъ, и это удалось ему безъ особаго труда, такъ-какъ въ началѣ дорога очень нуждалась въ рабочихъ силахъ.

Съ тѣхъ поръ Ефремка сталъ уже прозываться Ефремовымъ, и принялся онъ за свою новую работу очень усердно. Со своимъ машинистомъ, который также началъ службу съ кочегара, онъ ладилъ какъ нельзя лучше. Машинистъ его очень жаловалъ, и не столько за его усердную работу по службѣ, сколько за постороннія услуги, которыя онъ дѣлалъ съ должною предупредительностью—услуги, которыя, впрочемъ, были общеприняты. Ефремовъ, бывало, нанесетъ своему машинисту дровъ или угля на квартиру; принесетъ на паровозъ его сумку съ провіантомъ; сходить въ шинокъ за водкою; въ дорогѣ онъ всегда тщательно вытиралъ желѣзный сундукъ, на который обыкновенно садился машинистъ, или вытиралъ стаканы и наливалъ чай, когда, во время болѣе или менѣе продолжительнаго привала, машинисту вздумается заняться „чаепитіемъ“.

Начальство скоро обратило вниманіе на Ефремова, и въ награду за его усердную службу и уживчивость, произвело въ помощники машиниста. Со времени этого повышенія, Ефремовъ удвоилъ усердіе къ службѣ и предупредительность къ машинисту. Онъ всегда исправно являлся къ поѣздамъ, чистилъ паровозъ лучше

всѣхъ, и вообще за нимъ не замѣчалось никогда никакого упущенія. Мало того, онъ старался, насколько ему это удавалось, изучить устройство паровоза, и выучился кое-какъ писать, такъ-что впослѣдствіи, сдѣлавшись уже машинистомъ, онъ могъ, въ случаѣ надобности, подписать свою фамилію. Столкнувшись отчасти съ цивилизаціею, Ефремовъ съ теченіемъ времени отесался такъ, что въ немъ нельзя уже было узнать прежняго зачерствѣлаго, неуклюжаго мужика; въ свободные отъ службы дни онъ даже одѣвался довольно прилично.

Вопреки общему желѣзнодорожному стремленію жить на широкую ногу, Ефремовъ жилъ чрезвычайно бережливо. Денегъ онъ никогда попусту не тратилъ, и потому сколотилъ себѣ кое-какія деньжонки, которыя и приберегалъ про черный день; но ему пришлось разстаться съ этими завѣтными деньжонками не въ черный, а въ самый свѣтлый день его жизни: это произошло въ день его производства въ машинисты.

Въ то время начальникомъ депо, а слѣдовательно и непосредственнымъ начальникомъ Ефремова, былъ нѣкій Карлъ Ѳеодоровичъ Бурманъ, нѣмецъ по происхожденію, нѣмецъ по наружности, нѣмецъ въ душѣ, словомъ—нѣмецъ съ ногъ до головы. Хотя онъ уже давно жилъ въ Россіи, однако никакъ не могъ выучиться порядочно говорить по русски. Малаго роста, съ жиденькою рыжею бородкою, съ лицомъ желтаго цвѣта, сѣрыми, угрюмо изъ-подлобья смотрѣвшими глазами,—онъ не производилъ пріятнаго впечатлѣнія. Однако, не смотря на свою невзрачность, онъ обладалъ необыкновенно зоркимъ взглядомъ. Лишь только онъ входилъ въ паровозное зданіе или мастерскую, какъ уже однимъ взглядомъ окидывалъ все, что тамъ дѣлается,

и ничто ужъ тогда передъ нимъ укрыться не могло. Вздумаль-ли какой-нибудь слесарь покурить, или просто, уставши работать, захотѣлъ маленько отдохнуть или поговорить съ товарищемъ, какъ Бурманъ уже передъ нимъ.

— Ага! я васъ поймайтъ, обращался онъ обыкновенно къ провинившемуся:—ви развѣ не знайтъ, што во время рапота курить не полагается; я вамъ даютъ за это 50 копѣекъ штрафъ.

— Помилуйте, Карлъ Ѳедоровичъ, отвѣчалъ обыкновенно провинившійся, успѣвшій уже потушить и забросить куда-нибудь папиросу,—я вовсе не курилъ, это такъ вамъ показалось.

— О, ви меня не натувайтъ, возражалъ начальникъ:—я самъ всякаго шорта натую.

И слесарь волею-неволею долженъ былъ мириться со штрафомъ.

За Карломъ Ѳедоровичемъ водились тоже кое-какіе грѣшки; особенно онъ любилъ взятки, даже ловилъ ихъ при всякомъ удобномъ случаѣ, такъ-что рѣдко какое повышение или назначеніе, особенно со стороны русскихъ, обходилось безъ должнаго пожертвованія. Правую его рукою и посредникомъ въ этихъ операціяхъ служилъ его конторщикъ, продувная шельма, который ворочалъ почти всѣми дѣлами, и изображалъ изъ себя тоже своего рода начальство. Однако, съ болѣею или меньшею увѣренностью можно сказать, что главнымъ двигателемъ Бурмана была не столько корысть, сколько убѣжденіе, что русскій — дуракъ, и созданъ собственно для того, чтобы нѣмецъ могъ на немъ ѣздить. Впослѣдствіи слухи о подвигахъ Карла Ѳедоровича дошли до высшаго начальства; но за неимѣніемъ явныхъ уликъ, онъ

былъ только перемѣщенъ въ сосѣднее, малое, такъ-называемое „поворотное“ депо *), въ которомъ поѣздныхъ паровозовъ не было, а было только два или три паровоза, необходимые собственно для станціонной службы. А на мѣсто Бурмана былъ назначенъ другой начальникъ, изъ технологовъ, русскій, Павелъ Ивановичъ Страховъ.

Такъ вотъ, служа еще помощникомъ подъ начальствомъ Бурмана, Ефремовъ разъ ѣхалъ съ поѣздомъ. А надо сказать, что на участкѣ, по которому обыкновенно ѣздилъ Ефремовъ, находился громаднѣйшій подъемъ, тянувшійся верстъ на пятнадцать. Когда поѣздъ въѣхалъ на этотъ подъемъ, Ефремовъ и его машинистъ вдругъ увидѣли впереди вагоны, мчавшіеся навстрѣчу имъ съ необыкновенною быстротою; впоследствии оказалось, что это былъ хвостъ разорвавшагося поѣзда. Отъ неровной-ли ѣзды, или отъ чего-либо другого, поѣздъ, шедшій впереди поѣзда, на которомъ ѣхалъ Ефремовъ, разорвался, а такъ-какъ это случилось именно на подъемѣ, то задняя его часть, ничѣмъ не удерживаемая, ушла назадъ, и мало-по-малу скорость мчавшихся назадъ вагоновъ дошла до неимовѣрной быстроты. Машинистъ, увидавъ это, совершенно растерялся, и влекомый только однимъ чувствомъ самосохраненія, закрылъ паръ, и приказавъ Ефремову затормозить по-

*) Вся линія раздѣлена на участки. На каждые два участка имѣется одно главное депо и одно поворотное. Машинистъ обыкновенно беретъ поѣздъ со своего депо и везетъ его до поворотнаго; тамъ онъ сдаетъ поѣздъ другому машинисту, самъ же, послѣ нѣкотораго отдыха, съ встрѣчнымъ поѣздомъ ѣдетъ обратно. Машинистъ, взявшій поѣздъ съ поворотнаго депо, везетъ его до другого главнаго, и тамъ сдаетъ его уже третьему машинисту, и т. д.

ѣздъ, соскочилъ съ него, приглашая сдѣлать тоже самое и Ефремова *).

Но Ефремовъ не соскочилъ: въ его умѣ блеснула вдругъ, можно сказать, гениальная мысль, — спасти и свой поѣздъ, и тѣ вагоны, столь безумно мчавшіеся къ своей же гибели. Не теряя ни одной секунды, рискуя собственною жизнью, съ непостижимымъ присутствіемъ духа занялъ онъ постъ, покинутый машинистомъ. Съ замѣчательнымъ хладнокровіемъ, Ефремовъ въ одно мгновеніе затормозилъ паровозъ и далъ контръ-паръ, а такъ-какъ это было на подъемѣ и поѣздъ шелъ довольно тихо, то ему не трудно было дать задній ходъ поѣзду. И въ самое короткое время, когда вагоны уже очутились отъ поѣзда на разстояніи нѣсколькихъ саженей, Ефремовъ успѣлъ придать своему поѣзду ту же бѣшеную скорость, съ которою неслись эти вагоны.

Какъ молнія пролетѣли мимо одной станціи эти поѣзда, одинъ уходящій, другой настигающій. Впослѣдствіи служащіе на этой станціи рассказывали, что это было нѣчто дотолѣ невиданное, что мимо станціи пролетѣло что-то, какъ вихрь. Когда же Ефремовъ замѣтилъ, что онъ ѣдетъ съ такою же быстротою, какъ и вагоны, то сталъ незамѣтно уменьшать ходъ своего поѣзда; такъ-что, когда вагоны настигли его, то про-

*) Въ „Инструкціи для машинистовъ“ есть одинъ параграфъ, который гласитъ слѣдующее: „Машинистъ, подъ страхомъ увольненія отъ службы, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и преданія суду, не долженъ оставлять своего поста даже при неминуемой опасности, и только тогда можетъ покинуть свой постъ, когда сдѣлалъ все, что можно, для предотвращенія несчастнаго случая, и дальнѣйшее его пребываніе на паровозѣ не можетъ принести никакой пользы. Такое положеніе впослѣдствіи должно быть основательно доказано“.

изошелъ самый незначительный толчокъ, и когда эти два поѣзда слились въ одинъ, Ефремовъ мало-помалу совсѣмъ остановился.

Итакъ, онъ торжествовалъ: онъ спасъ два поѣзда, хотя при этомъ самъ рисковалъ страшно. Уходя такимъ образомъ отъ настигающей опасности, онъ могъ наскочить на другой поѣздъ, сзади его идущій, и тогда бы произошло—страшно подумать—столкновение трехъ поѣздовъ. Но ничего подобнаго не случилось; сама судьба ему благопріятствовала, и съ тѣхъ поръ онъ сталъ героемъ дня.

По всей линіи только и было разговора, что объ этомъ небываломъ въ желѣзнодорожныхъ лѣтописяхъ событіи, и всѣ эти разговоры носили на себѣ самые различные оттѣнки: тутъ было и злорадство, и одобреніе, и похвала, и зависть—но болѣе всего зависть. И въ самомъ дѣлѣ, здѣсь были и образованные, и опытные машинисты, а между тѣмъ подобный подвигъ пришлось совершить безграмотному, бывшему помощнику Ефремкѣ.

Вскорѣ послѣ этого открылась вакансія на мѣсто машиниста. Были такіе помощники, которые и по своему образованію, и по времени службы, и даже по протекціи, имѣли болѣе правъ и шансовъ на полученіе этого мѣста, чѣмъ Ефремовъ; однако Бурманъ разсудилъ, что онъ скорѣе можетъ пожитья съ Ефремова, чѣмъ съ кого-либо другого, такъ-какъ онъ отлично зналъ, что у Ефремова водятся деньжонки, и что ему легко будетъ обойти другихъ помощниковъ и представить Ефремова, въ виду его недавней заслуги. И вотъ, улучивъ удобную минуту, Карлъ Ѳедоровичъ подошелъ однажды къ Ефремову, когда тотъ былъ занятъ чисткою своего паровоза, и сказалъ:

— Ну, што, какъ у васъ, все карашо?..

— Ничего, все хорошо, Карлъ Оедоровичъ, отвѣчалъ Ефремовъ.

— Ну, а што ви смотрѣйтъ на эта парафозъ? спросилъ Бурманъ, и указалъ на стоявшій тутъ же рядомъ паровозъ, только-что вышедшій изъ ремонта, запово-
отдѣланный и ожидавшій своего повелителя.

— Да ничего, паровозъ очень красивый.

— А ви посмотрѣйтъ на эта краска. Правта, што краска очень карошъ?

— Какъ же, краска очень хорошая, отвѣчалъ Ефремовъ.

— А какъ ви полагайтъ, дорога эта краска? продолжалъ допытываться Бурманъ.

— Не могу знать, нѣсколько недоумѣвая, отвѣчалъ Ефремовъ.

— О! ви не думайтъ, што эта краска дорогой. Эта краска ошень, ошень карошъ, а только совсѣмъ не дорогой; она только сто руплей стойтъ.

Сказавъ это, онъ ушелъ, оставивъ Ефремова въ сильномъ смущеніи.

Ефремовъ уже довольно наторѣлъ на службѣ; онъ зналъ отчасти тѣ интриги, которыя практиковались въ желѣзнодорожномъ быту, и потому сразу понялъ смыслъ намека.

Хотя ему жалъ было разстаться съ накопленными долгимъ и упорнымъ трудомъ деньгами, но, какъ человекъ неглупый, онъ хорошо понялъ, что инымъ путемъ ему никогда не добиться машиниста, и что эти деньги въ послѣдствіи возвратятся ему сторицею. Итакъ, долго не думая, въ тотъ же вечеръ онъ отдалъ конторщику сто двадцать пять рублей, почти весь свой сбереженный капиталъ, для передачи по принадлеж-

ности; изъ этихъ денегъ двадцать пять рублей поступили собственно въ пользу конторщика, за его хлопоты и посредничество. Черезъ недѣлю послѣ этого, Ефремовъ былъ уже машинистомъ.

Сдѣлавшись машинистомъ, Ефремовъ чуть не обезумѣлъ отъ радости. Дѣйствительно: жалованья онъ сталъ получать болѣе ста рублей въ мѣсяць; работа его уменьшилась болѣе чѣмъ на половину; ему былъ врученъ во владѣніе „регуляторъ“ — этотъ запретный плодъ для помощниковъ *); положеніе его стало болѣе или менѣе независимымъ; онъ имѣлъ подъ своею командою помощника, которымъ могъ распоряжаться по своему усмотрѣнію—все это для человѣка неграмотнаго, безъ роду и племени, было зенитомъ блаженства. Однако, нельзя сказать, чтобы Ефремовъ былъ машинистъ, не знающій паровознаго дѣла: если онъ и не въ совершенствѣ постигъ паровозную премудрость, то зналъ дѣло настолько хорошо, что съ успѣхомъ могъ исполнять свои обязанности. Конструкцію паровоза онъ зналъ достаточно для того, чтобы безошибочно опредѣлить порчу, случившуюся на паровозѣ, и записать нужный ремонтъ, а управлялъ паровозомъ онъ не хуже, а можетъ быть и лучше самаго ученаго машиниста. Между тѣмъ, его усердіе къ службѣ ничуть не уменьшилось, такъ-что у начальства онъ былъ всегда на хорошемъ счету. Теперь самымъ горячимъ, самымъ пламеннымъ желаніемъ Ефремова, самою завѣтною его мыслью, было получить пассажирскій или такъ - называемый легкій паровозъ.

*) Помощникамъ машинистовъ запрещено, подъ страхомъ увольненія отъ службы, открывать регуляторъ, т.-е. передвигать паровозъ съ мѣста на мѣсто иначе, какъ въ присутствіи самаго машиниста.

Въ отношеніи прохожденія службы, машинистовъ можно раздѣлить на нѣсколько категорій. Есть машинисты счастливые и несчастливые. Къ первымъ можно причислить такихъ, которые на службу смотрятъ сквозь пальцы; сами ни за чѣмъ не наблюдаютъ; во всемъ полагаются на своихъ помощниковъ; ѣздить ужасно рискованно; никогда ничего не боятся,—а между тѣмъ, имъ все удается, все сходитъ съ рукъ, никогда не случается съ ними никакихъ катастрофъ. Другимъ, напротивъ, несмотря на то, что за дѣломъ они смотрятъ въ оба, помощникамъ своимъ ни въ чемъ не довѣряютъ и постоянно за ними присматриваютъ, всегда дрожать, всего боятся,—ничего не удается, и постоянно какая-нибудь катастрофа случается съ ними: то поѣздъ оборветъ, то поломка какая-нибудь сдѣлается въ паровозѣ, то, глядишь, пробки расплавить *). Есть такіе машинисты, которые, прослуживши безупречно нѣсколько лѣтъ, вдругъ ни съ того, ни съ сего начинаютъ портиться, какъ будто судьба ужъ такъ опредѣлила, и тогда почти никакая ихъ поѣздка не обходится безъ бѣды. Сначала начальство, во вниманіе къ ихъ прежней безупречной службѣ, смотритъ на это снисходительно, но потомъ ихъ или увольняютъ, или разжаловываютъ въ помощники. Нерѣдко такіе разжалованные машинисты опять выслуживаются, и опять успѣшно продолжаютъ свою службу.

*) Для предупрежденія окончательнаго сожженія паровоза, въ потолокъ „тонки“ или „огневой коробки“, какъ ее называютъ на языкѣ техническомъ, ввинчиваются двѣ мѣдныя, сквозныя, концентрическія пробки. Центральную пустоту этихъ пробокъ заливаютъ свинцомъ. Когда вода уйдетъ съ потолка тонки, то прежде чѣмъ накалится потолокъ, расплавится свинецъ въ пробкахъ, и черезъ образовавшіяся отверстія паръ изъ котла начнетъ стремительно наполнять собою внутренность тонки, и отчасти тушить огонь.

Ефремовъ не принадлежалъ ни къ одной изъ этихъ крайностей, а представлялъ собою, такъ-сказать, среднее явленіе. Онъ и за службою смотрѣлъ хорошо, и никакой бѣды съ нимъ никогда не случилось, и вообще онъ слылъ за машиниста хорошаго. Своимъ мѣстомъ онъ дорожилъ пуще всего. Для того, чтобы не осрамиться, чтобы не попасть какъ-нибудь въ бѣду, или выпутаться изъ нея, если по какому бы то ни было случаю она предвидѣлась, онъ готовъ былъ пожертвовать всѣмъ. На его вѣку было разъ такое приключеніе. Везъ онъ тяжелый поѣздъ, угля израсходовалъ много, и на обратную поѣздку осталось его маловато. Но въ поворотномъ депо набрать угля Ефремовъ не захотѣлъ, а можетъ быть и полѣнился. „Этого угля мнѣ за глаза хватить. думалъ себѣ Ефремовъ;— до своего депо доѣду, тамъ лучшаго наберу, а здѣсь уголь—одинъ мусоръ“. Такъ и поѣхалъ онъ обратно, не набравши угля—и доѣхалъ, но какою цѣною!.. На обратный путь поѣздъ ему попался тоже тяжелый, да еще, на бѣду, и вѣтеръ былъ встрѣчный; такъ-что, несмотря на то, что всю дорогу онъ старался расходовать угля какъ можно меньше, не доѣзжая верстъ трехъ до мѣста прибытія, тендеръ его какъ помеломъ вымело—ни одной углинки!.. Видитъ Ефремовъ, что не доѣдетъ онъ до станціи съ тѣмъ огнемъ, который былъ у него въ топкѣ... Что дѣлать? Неужели остановиться? Неужели требовать помощи, когда оставалось всего какихъ-нибудь десять минутъ ѣзды? Неужели онъ потерпитъ такой срамъ?.. Нѣтъ, никогда!.. И Ефремовъ, не долго думая, скинулъ съ себя свою шубу (дѣло было зимою), облилъ ее керосиномъ, и бросилъ въ топку. Шуба запылала, паръ удержался, и Ефремовъ доѣхалъ, но... въ одной курткѣ. Впослѣдствіи этотъ фактъ пере-

шелъ въ преданіе. О немъ часто говорили въ де-
журной, и всѣ вновь поступающіе помощники и маши-
нисты непременно въ него посвящались.

Когда Ефремовъ сдѣлался уже машинистомъ, то
подумалъ, что теперь пора ему и семействомъ обзаве-
стись. И дѣйствительно, онъ женился на дочери одного
старого машиниста. Получая жалованье сравнительно
большое и живя очень бережливо, если не сказать скупю,
Ефремовъ каждый мѣсяцъ откладывалъ часть своего
жалованья, и съ теченіемъ времени скопилъ денегъ
столько, что выстроилъ себѣ небольшой домикъ. И за-
жилъ Ефремовъ въ своемъ собственномъ домѣ сравни-
тельно комфортно, размножая свое поколѣніе.

Помощникъ его, Воронинъ, представлялъ собою но-
вѣйшій типъ помощниковъ. На службу онъ поступилъ
слесаремъ, кончивъ курсъ технического училища. Онъ
имѣлъ хорошую протекцію, и съ машинистами уживался
плохо. Ефремовъ былъ вторымъ машинистомъ, съ ко-
торымъ онъ ѣздилъ; и съ нимъ, какъ и съ прежнимъ,
Воронинъ не ладилъ, въ чемъ отчасти былъ самъ же
виноватъ,—хотя, по правдѣ сказать, машинисты вообще
не любятъ молодыхъ помощниковъ, и въ особенности
помощниковъ-техниковъ. А не любятъ они ихъ по мно-
гимъ причинамъ: ихъ надо учить и слѣдить за ними;
нѣкоторыя работы приходится исполнять за нихъ са-
мимъ; паровозъ они чистятъ плохо, да кромѣ того, они
не такъ услужливы, какъ старые помощники, и кичась
своимъ образованіемъ, смотрятъ на своихъ машинистовъ
нѣсколько свысока.

Когда Воронинъ былъ еще слесаремъ подъ началь-
ствомъ Бурмана, и прослужилъ въ этой должности около
четырехъ мѣсяцевъ, то разсудилъ, что теперь слѣдуетъ
дать ему повышеніе, тѣмъ болѣе, что это ему было обѣ-

щано. И вотъ, улучивъ удобную для этого минуту, однажды во время работы онъ подошелъ къ Бурману, который въ это время разсматривалъ паровозъ, ремонтирующійся въ мастерской, и обратился къ нему такимъ тономъ, въ которомъ хотя и чувствовалось уваженіе подчиненнаго къ начальнику, но еще болѣе свое собственное значеніе, какъ привилегированнаго техника.

— Карлъ Ѳедоровичъ, сказалъ онъ Бурману, — теперь уже есть вакансія, такъ нельзя-ли, пожалуйста, опредѣлить меня въ помощники?

Карлъ Ѳедоровичъ не любилъ Воронина, потому что онъ поступилъ не по его, а по высшей протекціи, и держалъ себя нѣсколько свободно. И здѣсь представился удобный случай для Карла Ѳедоровича показать свою силу.

— Я васъ въ помощники поставлять не буду, сказалъ онъ Воронину; — ви еще поушиться немного, ви въ паровозъ нишего не понимаетъ.

— Помилуйте, Карлъ Ѳедоровичъ, отвѣчалъ Воронинъ, — какъ же я не понимаю; напротивъ, я все очень хорошо понимаю.

— О, нѣтъ! ви нишего не понимаетъ; ви такъ думайтъ, што понимаетъ, а я вишу по ваша работа, што ви нишего не понимаетъ: меня нихто не натуйтъ. Што ви понимаетъ? Открылъ регуляторъ — парофозъ пошоль; закрылъ регуляторъ — парофозъ стопъ. Это всякій баба понимаетъ; ви понимаетъ такъ, какъ я понимаетъ.

— Да вѣдь, Карлъ Ѳедоровичъ, возразилъ Воронинъ, — меня и главный инженеръ обѣщалъ поставить на паровозъ черезъ три мѣсяца, а теперь, слава Богу, и четыре прошло.

— О, это карошо! Пускай главный инженеръ мнѣ бумага напишетъ, — я вамъ даютъ какой хотите паро-

фозъ, я васъ буду машинистомъ дѣлать. Вотъ хоть эта легкая машина вамъ дають... Я тогда за васъ и отвѣщать не буду.

Несмотря на все это, Воронинъ сталъ хлопотать выше, и добился, что его черезъ нѣкоторое время назначили помощникомъ машиниста.

Если машинисты, по какой бы то ни было причинѣ, не возлюбятъ какого-нибудь помощника, то ему уже не сдобровать, несмотря ни на какую протекцію. Тогда они сговариваются сообща, чтобы отнюдь не брать такого-то помощника въ поѣздъ, и ему приходится или увольняться, или, если онъ пользуется хорошою протекціею, переходить въ другое депо.

Нельзя сказать, чтобы Воронинъ былъ положительно лѣнивъ или не зналъ своего дѣла; но онъ ни въ чемъ не угождалъ своему машинисту и часто даже дѣлалъ ему наперекоръ, и потому этотъ его не любилъ и всячески старался отъ него отдѣлаться. Нѣсколько разъ даже Ефремовъ жаловался на него; но благодаря связямъ Воронина, эти жалобы не имѣли желаемыхъ послѣдствій, да и сами по себѣ онѣ были не совсѣмъ основательны.

Кочегаръ Ефремова, Ѳедоровъ, не представлялъ собою ничего особеннаго. Это былъ рослый, плечистый парень съ глуповатымъ выраженіемъ лица. Его обязанностью было исполнять самую черную работу. Во время стоянки паровоза онъ чистилъ его окрашенные части, какъ-то: тендеръ, котель, колеса; въ дорогѣ онъ помогалъ помощнику топить, отворялъ ему дверки, подгребалъ уголь ближе къ топкѣ, наполнялъ тендеръ водою и пр. Отличительною его чертою было то, что онъ безпрекословно исполнялъ всевозможныя требованія машиниста, хотя все-таки безъ особенной услужливости.

Однако, вернемся къ нашему разсказу.

IV.

Много верстовыхъ столбовъ уже пролетѣло мимо Ефремова и его бригады, много уже рельсовъ онъ исколесилъ. Дождикъ давно пересталъ накрапывать, погода прояснилась, передовые свѣтильники погасли, а на пурпуровомъ горизонтѣ солнце начинало показывать свой золотистый край. Поѣздъ, не уставая, все мчался, разсѣкая пространство; какъ вдругъ среди оглушающаго стука, производимаго быстрымъ ходомъ поѣзда, съ паровоза послышался легкій, особенный пискъ.

— Ага! соловьи запѣли! *) замѣтилъ Ефремовъ.

Онъ высунулъ голову изъ будки и потянулъ носомъ. До его чуткихъ обонятельныхъ нервовъ долетѣлъ легкій запахъ гари.

— Воронинъ! что-жъ вы, въ самомъ дѣлѣ, смотрите? съ укоризною закричалъ Ефремовъ.—вѣдь у васъ „подшипникъ“ горитъ!

— Какой подшипникъ? спросилъ Воронинъ, какъ-будто недоумѣвая.

— Какъ какой? Вамъ еще сказывай, какой?.. Съ правой стороны, у большого дышла. Возьмите сейчасъ маслянку, да поливайте его масломъ.

Воронинъ взялъ маслянку, перешелъ на паровозную площадку, сталъ на нее на колѣни, одною рукою схватился за переводный рычагъ, а другою сталъ поливать масломъ съ ужасною быстротою мелькавшее передъ нимъ дышло. Когда масла уже не стало, Воронинъ вернулся въ будку.

*) Выраженіе, употребляемое на жаргонѣ машинистовъ, когда нагрѣется какая-нибудь часть движущагося механизма и начнетъ плавиться.

Вскорѣ зеленый „дискъ“ мелькнулъ предъ ними: поѣздъ подъѣзжалъ къ станціи. Ефремовъ одною рукою нажалъ рукоятку свистка, причемъ вылетѣвшій изъ узкаго отверстія паръ огласилъ воздухъ пронзительнымъ свистомъ, а другою закрылъ регуляторъ. Качка становилась все легче и легче, поѣздъ все тише и тише катился по гладкимъ рельсамъ, и наконецъ совсѣмъ остановился.

Первымъ дѣломъ Ефремова, когда паровозъ сталъ, было осмотрѣть нагрѣвшійся подшипникъ. Онъ взялъ шпильку и поковырялъ вдѣланную въ немъ трубочку, потомъ подлилъ туда масла; масло не прошло насквозь, а остановилось въ трубочкѣ. Дѣло было плохо. Пришлось снять подшипникъ и прочистить трубочку: „бавикъ“ оказался поврежденнымъ; это заняло порядочно времени, такъ-что поѣздъ былъ немного задержанъ.

— Вотъ, только и смотри за вами, сказалъ Ефремовъ;—на что мнѣ тогда и помощникъ, коли все самому дѣлать приходится?

Воронинъ на это промолчалъ.

Однако, подшипникъ скоро охолодили, заправили саломъ и поѣхали дальше. Оставалось ѣхать еще только одинъ пролетъ, и черезъ нѣсколько времени вдали показалась большая станція со множествомъ вагоновъ, точно такая же, какъ и та, изъ которой нѣсколько часовъ назадъ выѣхалъ Ефремовъ. Казалось, будто не поѣздъ приближался къ станціи, а станція неслась навстрѣчу поѣзду. Сначала неопредѣленная, неясная, она дѣлалась все яснѣе, все отчетливѣе рисовалась на голубомъ фонѣ неба, и наконецъ предстала во всемъ своемъ величїи. Поѣздъ остановился... Пришелъ чело-вѣкъ и отцѣпилъ паровозъ отъ поѣзда. Ефремовъ переѣхалъ на своемъ паровозѣ съ главнаго пути на по-

бочный, и въѣхалъ въ паровозное зданіе. Это было точно такое же зданіе, какъ и то, изъ котораго въѣхалъ Ефремовъ,—такое же мрачное, съ такими же мрачными воротами, сдѣланными аркою, такъ же вѣчно наполненное дымомъ и паромъ. Оно только было меньшихъ размѣровъ; въ немъ могло помѣщаться всего шесть паровозовъ.

Послѣ нѣкоторыхъ предосторожностей, всегда принимаемыхъ, когда горячій паровозъ становится въ депо, Ефремовъ сказалъ своему помощнику:

— Теперь пойдемъ въ дежурную пить чай, а послѣ вы ужь, пожалуйста, займитесь дѣломъ: снимите подшпикникъ, да прочистите его хорошенько; тамъ „дорожки“ засорились, надо ихъ прорубить, да прочистить немного, а то, пожалуй, еще бѣду наживемъ.

Послѣ этого Ефремовъ, забравъ свой жестяной ящикъ, вмѣстѣ съ Воронинымъ отправился въ дежурную; кочегаръ же остался караулить паровозъ. Кочегары вообще въ дежурную не допускаются; они и чай пьютъ, и обѣдаютъ, и спятъ всегда на паровозѣ.

Дежурная, въ которую они вошли, была гораздо просторнѣе и чище той, которая находилась въ главномъ депо. Тутъ было пять кроватей, всѣ съ тюфяками и подушками, хотя опять-таки замасленными, но все же болѣе чистыми, чѣмъ въ первой дежурной. Эта сравнительная чистота и удобство объяснялись тѣмъ, что въ своей дежурной машинисты никогда не спали, развѣ только будучи на дежурствѣ, что случалось развѣ въ мѣсяцъ; здѣсь же, въ поворотномъ депо, въ промежуткѣ между пріѣздомъ и обратною поѣздкою, они всегда отдыхали и трапезничали,—почему и дежурная поддерживалась чище. Къ одной стѣнѣ былъ приставленъ столъ, на которомъ кипѣлъ большой самоваръ. За столомъ сидѣлъ уже одинъ человѣкъ и пилъ чай.

— А, господинъ Глѣбовъ, мое почтеніе! воскликнулъ вошедшій Ефремовъ, подавая ему руку.

— Здравствуйте, отвѣчалъ человѣкъ, сидѣвшій за столомъ.—Не угодно-ли чайку за компанію?

— Да вотъ прежде подзакусимъ маленько, а потомъ и чайку попить можно.

Глѣбовъ былъ машинистъ изъ новыхъ: онъ также получилъ кое-какое образованіе. Со своими товарищами онъ дружился мало, особенно со старыми машинистами, да и тѣ тоже не долюбливали его: онъ всегда любилъ хвастаться. Въ разговорахъ онъ часто металъ громъ и молнію противъ начальства и всегда сулилъ скрутить его въ бараній рогъ, на самомъ же дѣлѣ также его побаивался.

Ефремовъ поставилъ свой жестяной ящикъ на столъ, вынулъ оттуда разные съѣстные припасы, и принялся за ѣду. Воронинъ сдѣлалъ то же, только у него вмѣсто жестяного ящика была кожаная сумка.

— Ну что, какъ, благополучно доѣхали? спросилъ Глѣбовъ.

— Да-съ, только ужъ поѣздъ больно тяжелъ былъ, отвѣтилъ Ефремовъ;—мнѣ все, какъ на грѣхъ, такіе поѣзда даются.

— И угля, небось, гибель сожгли?

— Да, порядочно.

Такъ-какъ машинисты получаютъ преміи за уголь, если расходуютъ его менѣе опредѣленной нормы, то они и стараются наперерывъ другъ передъ другомъ жечь угля какъ можно меньше. Иногда нѣкоторые машинисты не прочь, при случаѣ, нагрузить свой тендеръ „не въ счетъ абонементѣ“, т.-е. безъ квитанціи, что иногда, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, имъ

и удастся. Однако, за такія продѣлки съ виновныхъ взыскивается очень строго.

— А „золотники“ *) у васъ хорошо работаютъ? продолжалъ допрашивать Глѣбовъ.

— Немножко хромаютъ.

— То-то и есть. Вотъ у меня такъ норма: полтора пудовъ туда и назадъ—и никогда больше!.. А почему? Потому что я смотрю за золотниками. Если бы всѣ машинисты такъ смотрѣли, какъ я, то у всѣхъ было бы больше премій. А то другой такъ даже и не знаетъ, правильно-ли ходятъ у него золотники, или нѣтъ!

— Это все легко говорить, сказалъ Ефремовъ;—я вотъ недавно просилъ начальника, чтобы онъ велѣлъ золотники провѣрить, а онъ мнѣ и говорить: „ладно, еще и такъ поѣздите, не велика бѣда“. Что ты тутъ подѣлаешь?

При новомъ начальникѣ Ефремовъ не пользовался такою льготою, какъ это было при Бурманѣ.

— А вы пишете!.. Вамъ даже и просить нечего, горячился Глѣбовъ,—пишите въ ремонтную книгу: провѣрить золотники, да и кончено... Что написано перомъ, того и топоромъ не вырубишь!..

— Ну, противъ начальства пойдешь, тоже добра не наживешь!

— А какъ я дѣлаю?.. Что, я спрашиваю, что-ли? Пишу, да и только... Что мнѣ начальникъ? Наплевать на него я хочу!.. Что онъ мнѣ сдѣлаетъ?!

— Ну, это вы шутите, отвѣчалъ Ефремовъ;—стѣну головой тоже не пробьешь.

*) „Золотникомъ“ называется особый механизмъ, служащій для впуска пара въ цилиндръ, поочередно, то съ одной, то съ другой стороны поршня.

Такъ продолжали разговаривать два машиниста, какъ вдругъ дверь въ дежурную съ шумомъ отворилась, и въ нее влетѣлъ уже знакомый намъ Карлъ Ѳедоровичъ Бурманъ; онъ, какъ читатель помнитъ, въ то время былъ начальникомъ поворотнаго депо, въ которое пріѣхалъ Ефремовъ съ товарнымъ поѣздомъ. Увидавъ послѣдняго, онъ, весь запыхавшійся, закричалъ:

— О, это ви, Ефремовъ! Это карашо, што я на васъ напалъ! Я знайтъ, што ви карошъ машинистъ... Што, парафозъ у васъ въ порядкѣ?

Увидѣвъ начальника, Ефремовъ нѣсколько привсталъ, Глѣбовъ же и Воронинъ не встали и продолжали, какъ ни въ чемъ не бывало, заниматься своимъ дѣломъ.

— Какъ же, Карлъ Ѳедоровичъ, отвѣчалъ Ефремовъ,—у меня паровозъ всегда въ порядкѣ... А что такое?

— А вотъ што: вамъ нато пудеть ѣхать съ экстреннымъ поѣздомъ.

— Какъ же такъ, съ экстреннымъ поѣздомъ? удивился Ефремовъ.—Да вѣдь у меня товарный паровозъ.

— Ну, што-жъ дѣлать, што тофарны паровозъ, когта нѣтъ лехкаго машина. Былъ одинъ лехкій парофозъ Шишкина, такъ у него трубы потекли—ѣхать не мошетъ.

— А кто ѣдетъ съ экстреннымъ поѣздомъ? спросилъ Ефремовъ.

— А развѣ ви не знайтъ, что вчера ѣхалъ упрافляющій дороги осматривать линію? отвѣчалъ начальникъ.—Ну, а теперь онъ ворошается назадъ. Черезъ шась поѣздъ будетъ на станціи... Поѣздъ совсѣмъ маленькій—только дѣфа фгона; времени вамъ терять нешего, собирайтесь скорѣй, и съ Бохомъ поѣзжайте.

— Да позвольте, Карль Ѳедоровичъ, виѣшался Глѣбовъ,—вѣдь я первый на очереди, такъ ѣхать-то слѣдуетъ мнѣ.

— Ну, такъ штошъ, што ви перфый на ошереди, возразилъ Бурманъ;—ваша ошередъ ѣхать съ тофарный поѣздъ, такъ ви и будете браить свой тофарный поѣздъ; вамъ нихто ваша ошередъ не отымайть.

Бурманъ не любилъ Глѣбова, потому что тотъ не питалъ къ нему особаго уваженія; къ Ефремову же онъ, напротивъ, благоволилъ, такъ-какъ тотъ не только выказывалъ уваженіе къ нему, но и машинистомъ-то сдѣлался собственно по его протекціи.

— Какъ же такъ, Карль Ѳедоровичъ, продолжалъ настаивать Глѣбовъ;—вѣдь я раньше пріѣхалъ, такъ, слѣдовательно, ѣхать надо мнѣ, а не Ефремову.

— Это нишего не знашитъ, што ви раньше пріѣхалъ, возразилъ начальникъ;—ви еще машинистъ молотой, вамъ нельзя такой дѣла порушать.

— Такъ что-жъ, что молодой; дѣло-то, пожалуй, получше другихъ знаю.

— Ну, латно, мнѣ съ вамъ некогта разкофаривать, съ нетерпѣливымъ жестомъ отвѣчалъ начальникъ.

Ефремовъ страшно обрадовался, что на его долю выпала такая честь—везти экстренный поѣздъ.—Но одно его беспокоило: у него былъ поврежденъ подшинникъ, а въ такое короткое время онъ не могъ его исправить. Подумавъ немного, онъ рѣшился признаться начальнику и попросить слесарей, чего при другихъ обстоятельствахъ никогда бы не сдѣлалъ, такъ-какъ отвѣтственность за всякое упущеніе, даже исключительно со стороны помощника, падаетъ и на машиниста.

— Я ѣхать-то могу, Карль Ѳедоровичъ, сказалъ Ефремовъ,—только нельзя-ли мнѣ, пожалуйста, дать

пару слесарей; у меня тамъ ремонтъ маленькій есть.

— А ви говоріють, што парфозъ въ порядкѣ... Штошъ у васъ такой?

— Да надо бы подшинникъ маленько пропилить и дорожки прорѣзать.

— Што-жъ это, ви бавикъ, што-ли, расплавиль?

— Нѣтъ, такъ только, чуть-чуть тронулся.

— О! Какъ же это ви такъ оплѣшалъ?

— Да что подѣлаете, Карль Оедоровичъ, за всѣмъ не услѣдишь; помощникъ-то у меня не совсѣмъ надежный.

— Ну вотъ, вмѣшался тутъ Глѣбовъ,—а у меня и паровозъ совсѣмъ въ исправности, слѣдовательно ѣхать-то нужно мнѣ.

Но начальникъ сдѣлалъ видъ, будто не слыхалъ этого, и напустился на Воронина, который продолжалъ невозмутимо пить чай, какъ-будто и не о немъ шла рѣчь.

— Ну, карошо, докончилъ Карль Оедоровичъ,—я вамъ даютъ два слесарь, ви пошалуиста справляйтесь поскорѣе и поѣзжайте.

— Такъ нельзя-ли, Карль Оедоровичъ, еще двухъ человекъ для чистки прибавить, сказалъ Ефремовъ,—а то вѣдь времени-то немного осталось.

— Карошо, карошо, еще вамъ дѣла шелофѣкъ даютъ. Если ви благополюшно доѣдетъ, такъ я буду хлѣпотать, штобъ вамъ легкая машина даютъ.

— А вѣрно-ли будетъ, Карль Оедоровичъ? плутовато улыбнувшись, спросилъ Ефремовъ.

— О! ви, я думайть, меня знайтъ, што я на фетеръ не люблю ховоріють.

И съ этими словами, сильно захлопнувъ за собою двери, начальникъ умчался.

— Ну, Воронинъ, сказалъ Ефремовъ своему помощнику, — скорѣе отправляйтесь на паровозъ, покажите слесарямъ что дѣлать, да присмотрите за людьми... Чтобы къ поѣзду паровозъ былъ какъ игрушка.

Воронинъ поспѣшно ушелъ.

— Вотъ не было печали! какъ-будто про себя замѣтилъ Ефремовъ; — то бы можно отдохнуть немножко, а теперь ѣхать надо...

Но Ефремовъ сказалъ это только такъ, для „близору“; на самомъ же дѣлѣ, отъ предстоящей поѣздки онъ былъ на седьмомъ небѣ. Онъ повезетъ управляющаго, чего еще съ роду съ нимъ не случалось, и доведетъ его на своемъ товарномъ паровозѣ не хуже самаго первокласснаго „лихача“ *). Какъ онъ тогда голову свою подыметъ, сколько авторитета ему прибавится! А потомъ, въ награду — пассажирскій паровозъ, вѣнецъ его стремлений!..

Ефремовъ наскоро dokonчилъ трапезу, забралъ свои пожитки, и отправился на паровозъ.

~ ~ ~

V.

Когда Ефремовъ пришелъ къ своему паровозу, на немъ работа уже кипѣла: шесть человѣкъ копошились около него. Онъ приставалъ то къ одному, то къ другому, распоряжался, дѣлалъ замѣчанія, ободрялъ, суежилъ, потомъ отдалялся на нѣкоторое разстояніе и любовался этимъ огнедышущимъ гигантомъ, чудомъ механики, великимъ изобрѣтеніемъ гениальнаго Стефенсона. Но мысли Ефремова такъ далеко не взлетали: онъ не зналъ ни исторіи паровоза, ни его громад-

*) На желѣзнодорожномъ жаргонѣ такъ называются машинисты, которые ѣздятъ специально съ пассажирскими поѣздами.

наго значенія во всемірномъ соотношеніи народовъ, не сознавалъ геніальности этого помысла, не зналъ того, кому былъ обязанъ своимъ положеніемъ.

Да извѣстно-ли это и вамъ, читатель? Вы знаете Пушкина, знаете Лермонтова, знаете Шекспира, потому что, читая ихъ произведенія, вы видите на заглавныхъ страницахъ ихъ имена, напечатанныя большими буквами; но вы не знаете Стефенсона, потому что, безпечно сядя въ вагонъ поѣзда, вы не видите его имени, въ огненныхъ буквахъ парящимъ надъ его твореніемъ. А пора, чтобы всѣ его знали, потому что надо, чтобы человѣчество знало своихъ истинныхъ благодѣтелей.

И тотъ, кто совершилъ все это, въ теченіе всей своей жизни, почти со дня на день постоянно перемѣнялъ условія своего существованія, мало-по-малу добиваясь все бѣльшихъ благъ. Въ своемъ дѣтствѣ онъ не былъ баловнемъ фортуны, не принадлежалъ къ тѣмъ, которые, благодаря своему исключительному положенію, предназначены, повидимому, играть въ жизни первыя роли. Сынъ углекопа, онъ увидѣлъ свѣтъ въ бѣдной, маленькой лачужкѣ, гдѣ не нашелъ ни почестей, ни богатства, ни удобства, ни даже образованія. Въ раннихъ годахъ поставленный за самую трудную, самую тяжелую работу, потерянный въ мрачныхъ подземныхъ галлерейхъ угольныхъ шахтъ, далекій отъ солнечнаго свѣта и общества людей,—онъ, въ возрастѣ уже взрослого человѣка, имѣя почти двадцать лѣтъ, не умѣлъ еще читать. Четверть же вѣка спустя, когда ему было сорокъ пять лѣтъ, онъ былъ геніальнѣйшимъ инженеромъ Англіи и міра.

Своею могучею рукою онъ усмирилъ мятежный паръ, заполонилъ его, заковалъ въ желѣзные обручи, сдѣлалъ

его послушнымъ своей волѣ, и приноровилъ къ потребностямъ человѣчества. Онъ, къ удивленію міра, сотворилъ свой первый паровозъ, который, для памяти великаго человѣка, на вѣчныя времена былъ поставленъ на пьедесталѣ, въ Ньюкастлѣ. Этимъ геніальнымъ изобрѣтеніемъ онъ сблизилъ народы, перемѣшалъ расы, уравнилъ касты, умиротворилъ страсти, придалъ крылья матеріи и мысли... Онъ произвелъ всеобщую революцію на почвѣ труда, науки и мысли. Онъ сдѣлался творцомъ и провозвѣстникомъ новой эры—эры быстрыхъ и экономическихъ передвиженій, эры угля и пара...

~ ~ ~ ~ ~

VI.

Между тѣмъ, работа на паровозѣ Ефремова кончилась, и онъ былъ готовъ къ предстоящей поѣздкѣ. Мѣдные обручи, обхватывающіе котель, блестѣли какъ золото; все было чисто и безупречно; самъ паровозъ, въ ожиданіи предстоящаго ему путешествія, дрожалъ какъ конь ретивый.

Экстренный поѣздъ стоялъ уже на станціи и поджидалъ своего „вѣтрогона“.

Ефремовъ выѣхалъ изъ паровознаго зданія и прицѣпился къ поѣзду. Раздался свистокъ оберъ-кондуктора. Въ отвѣтъ на него Ефремовъ свистнулъ своимъ паровымъ свисткомъ—свистнулъ и поѣхалъ. Сначала медленно, тихо, потомъ все шибче и шибче...

Небо было ясное. Солнце высоко стояло надъ горизонтомъ, а Ефремовъ все мчался и мчался, съ небольшими остановками на промежуточныхъ станціяхъ. Онъ былъ постоянно на сторожѣ; великая радость охватывала все существо его. Уже большое разстояніе

онъ пролетѣлъ безъ всякой помѣхи, безъ всякой случайности, и скоро, скоро онъ будетъ дома.

Онъ только-что выѣхалъ со станціи. Еще одна, еще одинъ пролетъ, и онъ будетъ у пристани—конецъ его долголѣтнимъ стремленіямъ. Триумфъ его обезпеченъ, и счастливая звѣзда его засіяетъ ярче, чѣмъ когда-либо, и уже не померкнетъ никогда...

Онъ проѣхалъ уже отъ станціи нѣсколько верстъ, какъ вдругъ стрѣлка манометра, до сихъ поръ постоянно вращавшаяся на должной высотѣ, чуть-чуть опустилась внизъ. Ефремовъ вперилъ тревожный взглядъ на циферблатъ манометра — стрѣлка упала чуть-чуть еще. Онъ отворилъ топку, заглянулъ туда—и поблѣднѣлъ: пламя было не ослѣпительно бѣлое, а красное. Ефремовъ все понялъ — и ужасъ изобразился на его лицѣ.

Приготовляясь къ поѣзду, во время общей суматохи, онъ забылъ распорядиться, чтобы вычистили топку, а его помощникъ и кочегаръ не подумали объ этомъ. или, можетъ быть, понадѣялись на русское „авось“. Теперь же „шлакъ“ *) залилъ колосники, и паръ убавлялся, убавлялась и вода.

Ефремовъ гнѣвно захлопнулъ топку и закричалъ на своего помощника:

— Воронинъ, вы что же топку-то не вычистили?!

*) Уголь, сгорая, выдѣляетъ изъ себя негодныя для горѣнія части, которыя, сливаясь въ компактную, несгораемую массу, образуютъ такъ-называемый „шлакъ“. Этотъ шлакъ, покрывая собою колосники, препятствуетъ свободному проходу воздуха въ топку, и слѣдовательно, правильному горѣнію верхнихъ слоевъ угля. Поэтому требуется, послѣ каждой поѣздки, вычищать топку отъ образовавшагося шлака. Чѣмъ болѣе шлака накопится въ топкѣ, тѣмъ труднѣе бываетъ образованіе пара.

— А у меня, что-жъ, четыре руки, что-ли? хладнокровно возразилъ Воронинъ.

— Вы должны были сдѣлать это прежде всего!

— Еслибъ я чистилъ топку, такъ другого бы не сдѣлалъ.

— Да вы бы ничего не дѣлали, а только бы мнѣ топку вычистили! кипятился Ефремовъ.

— Вы бы такъ раньше и говорили, продолжалъ огрызаться Воронинъ.

Лицо Ефремова исказилось отъ гнѣва, и онъ, послѣ нѣкоторой паузы, опять закричалъ на Воронина:

— Возьмите „пику“ и пробейте шлакъ!

Воронинъ сталъ поспѣшно исполнять приказаніе, а Ефремовъ, между тѣмъ, закрутилъ „конусъ“ *).

Стрѣлка манометра на нѣсколько мгновеній остановилась, какъ-будто раздумывая, куда ей направиться, впередъ или назадь, и потомъ медленно чуть-чуть опустилась внизъ.

— Что мнѣ теперь, пропадать изъ-за васъ?! бѣшено закричалъ Ефремовъ.

Воронинъ промолчалъ: ему самому было неловко... Ефремовъ принялся самъ за работу, но и это не помогало—стрѣлка все падала и падала.

Волненіе Ефремова достигло крайнихъ 'предѣловъ. Неужели онъ станетъ на пути, или еще хуже,—сожжетъ паровозъ? Что тогда съ нимъ будетъ? Вѣдь это не шутка; не товарный поѣздъ онъ везетъ, а экстренный, съ управляющимъ... Что, если онъ не довезетъ его? А стыдъ, а позоръ, а насмѣшки товарищей, а

*) „Конусомъ“ называется приборъ, который служитъ для усиленія тяги. Вообще, къ нему слѣдуетъ прибѣгать только въ крайнихъ случаяхъ, такъ-какъ его употребленіе отзывается вредно на работѣ паровой машины.

пассажирскій паровозъ!.. А можетъ быть еще хуже что будетъ, можетъ быть его разжалуютъ?..

Такія мысли вертѣлись въ его головѣ, производя невообразимый хаосъ. А стрѣлка все падала и падала. Ужасъ леденилъ его душу, ноги его подкашивались, волосы щетинились; онъ нервно дрожалъ, какъ листъ осиновый... А стрѣлка все падала и падала.

Ефремовъ вперилъ пристальный, неподвижный взглядъ на стрѣлку, съ такимъ выраженіемъ, какъ-будто ей была дана власть надъ его жизнью и смертию. Она уже показывала всего четыре атмосферы, а вода чуть-чуть болталась въ стеклѣ.

Еще мгновеніе — и вода совсѣмъ исчезла. Воронинъ обратилъ на это вниманіе Ефремова и сказалъ, что надо бы подкачать воды и остановить поѣздъ, потому что такимъ образомъ и пробки можно расплавить.

— Не ваше дѣло!.. молчать!.. здѣсь хозяинъ я! закричалъ Ефремовъ, и глаза его засверкали такимъ гнѣвомъ, что Воронинъ не на шутку испугался.

Въ душѣ Ефремова зародилась страшная борьба: онъ не зналъ, на что рѣшиться. Остановиться — значило навѣрняка объявить себя неспособнымъ машинистомъ и подвергнуться неминуемому наказанію. Ъхать дальше?.. Авось вывезетъ, — мелькнуло въ его умѣ. — Чѣмъ чортъ не шутить?... Еще минута, а тамъ уже начнется уклонъ, и можно будетъ закрыть регуляторъ и ъхать силою инерціи безъ помощи пара, а тѣмъ временемъ можно будетъ и пару набрать, и воды накачать.

И несмотря на то, что поѣздъ все мчался съ прежнею быстротой, эта минута, которая отдѣляла его отъ завѣтной точки, съ которой ужъ и спускъ пойдетъ, показалась ему вѣкомъ. Но всему бываетъ конецъ — еще

мгновеніе, и онъ дрожащею рукою привелъ въ дѣйствіе инжекторъ, а другою закрылъ регуляторъ. Но въ тотъ же моментъ внутри огневой коробки раздался одинъ за другимъ два какъ бы пистолетныхъ выстрѣла, и вслѣдъ затѣмъ послышался особый свистъ, еще неизвѣстный Ефремову. То прорвались пробки.

Пока паровозъ шелъ въ гору, вода еще покрывала потолокъ топки; но какъ только онъ перевалился, и задняя его часть поднялась выше передней, вода сразу отхлынула съ потолка, и пробки расплавились.

Ефремовъ заглянулъ въ топку, и его помутившимся глазамъ предстало ужасное въ своемъ родѣ явленіе. Паръ сквозь образовавшіяся отверстія рвался изъ котла, и встрѣчая огонь, производилъ особый гулъ, еще неслышанный Ефремовымъ, несмотря на его долголѣтнюю практику; потолокъ, уже начинавшій накаливаться, производилъ въ пламени зеленоватый отблескъ.

Ефремовъ успѣлъ только крикнуть: „тушите огонь“, а самъ, обезсиленный, скорѣе упалъ, чѣмъ сѣлъ на желѣзный сундукъ.

— А что? Вѣдь я говорилъ, что такъ будетъ, промолвилъ Воронинъ, и въ его голосѣ слышалась иронически-злорадная нота.

И онъ принялся вмѣстѣ съ кочегаромъ тушить огонь, то-есть закидывать его углемъ, какъ это всегда практикуется въ подобныхъ случаяхъ.

Ефремовъ сидѣлъ, тупо и бессмысленно глядя вокругъ. Паровозъ все еще мчался, влекомый силою инерціи, хотя уже не обладалъ своею собственною двигательною силою. Этотъ послушный паровозъ, этотъ желѣзный рабъ былъ убитъ—и кѣмъ же?—имъ, Ефремовымъ... Какъ-будто въ посмертныхъ судорогахъ, паровозъ умиралъ бѣгъ, и наконецъ этотъ посмертный

бѣгъ, мало-по-малу стихая, совсѣмъ прекратился—поѣздъ сталъ среди поля.

Въ это время господинъ управляющій со своею свитою сидѣлъ за карточнымъ столомъ, въ роскошномъ министерскомъ вагонѣ. Всѣ находились, повидимому, въ веселомъ настроеніи духа, чему немало способствовалъ сосѣдній столъ, на которомъ было наставлено много бутылокъ, и порожнихъ, и непечатыхъ.

Увидѣвъ, что поѣздъ остановился среди поля, господинъ управляющій пришелъ въ недоумѣніе. Однако, онъ, не торопясь, закурилъ сигару, вышелъ изъ вагона въ сопровожденіи своей свиты, и подошелъ къ паровозу.

Когда Ефремовъ увидѣлъ подошедшаго управляющаго, окруженнаго своею свитою, то сразу очнулся отъ апатіи, въ которую былъ погруженъ, соскочилъ съ паровоза, снялъ шапку, и держа ее въ обѣихъ рукахъ, умоляющимъ голосомъ заговорилъ:

— Не погубите, Бога ради... Это онъ, негодяй, всему виноватъ... Это онъ мнѣ такую штуку подстроилъ... Я съ самой конструкціи на этой дорогѣ служу, и никогда со мною этого не случалось, пока на мою шею не навязали этого негодяя.

При этомъ онъ указалъ головою на Воронина; на глазахъ его навернулись слезы.

— Да говорите толкомъ, сказалъ управляющій,— что такое случилось?

— Я его предупреждалъ, перебилъ Воронинъ, тоже соскочивъ съ паровоза,—а онъ говоритъ: „я здѣсь хозяинъ“... Ну, хозяинъ, такъ хозяинъ... самъ паровозъ сжегъ, а на меня сваливаетъ.

— Вотъ какъ! Такъ это вы паровозъ сожгли, сказалъ управляющій. — Да вѣдь у васъ и паровозъ-то

товарный. Какимъ же это образомъ васъ съ экстреннымъ поѣздомъ послали?

— Пассажирскій паровозъ испортился, отвѣтилъ Ефремовъ, — такъ начальникъ депо меня послалъ... Не погубите... жена, дѣти маленькія...

— Ну, ладно, тамъ ужъ начальство разберетъ, сказалъ управляющій, и обращаясь къ своей свитѣ, прибавилъ:—Дѣлать нечего, господа, придется намъ здѣсь привалъ сдѣлать, а пока надо распорядиться, чтобы дали знать на ближайшій телеграфный постъ о высылкѣ вспомогательнаго паровоза.

И сказавъ это, онъ направился обратно къ своему вагону, а за нимъ послѣдовала и вся свита.

Пока подоспѣлъ вспомогательный паровозъ, прошло около двухъ часовъ, и все это время Ефремовъ неподвижно сидѣлъ на желѣзномъ сундукѣ, разбитый физически и душевно.

Между тѣмъ, резервный паровозъ подѣхалъ, прицѣпился къ паровозу Ефремова, и поѣздъ опять помычался.

День клонился къ концу и начинало вечерѣть, когда поѣздъ пріѣхалъ на станцію, на которой служилъ Ефремовъ. Тамъ ужъ собралось много народу: тутъ былъ и начальникъ депо, были и свободные машинисты. Всѣмъ уже было извѣстно по телеграммамъ, что съ экстреннымъ поѣздомъ поѣхалъ Ефремовъ и что онъ пробки расплавилъ,—и всѣмъ любо было посмотреть, какъ это его за носъ притащутъ ²⁾).

Лишь только поѣздъ остановился, къ паровозу Ефремова подошелъ начальникъ депо и спросилъ:

²⁾ Выраженіе, употребляемое машинистами. когда паровозъ испортится, и приходится гребовать резервнымъ паровозъ.

— Ну, что, Ефремовъ?.. Что это съ вами случилось?

— Да что, Павелъ Ивановичъ, отвѣчалъ Ефремовъ упавшимъ голосомъ,—съ роду пробокъ не плавилъ, а вотъ когда пришлось! И все помощникъ виновать... Вы ужъ, пожалуста, заступитесь за меня... я вѣкъ Бога за васъ молить буду...

— Да я-то что-жъ могу сдѣлать? отвѣчалъ начальникъ, и покачавъ головою, пошелъ навстрѣчу „начальству“.

Ефремовъ слѣзъ съ паровоза, и бросивъ его на произволъ судьбы, отправился домой. Ему хотѣлось скорѣе уйти отъ постороннихъ взглядовъ и остаться одному. И вотъ онъ опять брелъ по тому же самому пути, что и въ прошлую темную ночь, но только въ противоположную сторону. И сколько въ этотъ сравнительно короткій промежутокъ времени испыталъ онъ ощущеній!..

Когда онъ пришелъ домой, то, не говоря женѣ ни слова, заперся въ своей комнатѣ, раздѣлся, легъ и заснулъ—заснулъ тѣмъ крѣпкимъ, мертвымъ сномъ, на какой можетъ быть способенъ человѣкъ только подъ вліяніемъ сильнаго горя.

На слѣдующій день Ефремова потребовали въ контору. Когда онъ туда вошелъ, то увидалъ начальника депо, а передъ нимъ на столѣ двѣ мѣдныя пробки, въ которыхъ сердцевина была совершенно пустая.

— Что вы надѣлали? сказалъ начальникъ, указывая на пробки.—Я только-что осматривалъ вашъ паровозъ, тамъ покорибило потолокъ, дѣло скверное...

— Павелъ Ивановичъ! убитымъ голосомъ началъ оправдываться Ефремовъ, — тутъ Воронинъ во всемъ виновать: паровоза не смазалъ, топку не вычистилъ; все онъ, онъ одинъ...

— Но, вѣдь, не онъ машинистъ, а вы, перебилъ начальникъ, — вы хозяинъ паровоза и своей бригады, вы можете приказать, и у васъ всегда есть средство заставить исполнить свое приказаніе; поэтому и вина всецѣло падаетъ на васъ.

Черезъ нѣсколько времени послѣдовала резолюція, по которой Ефремовъ смѣщался въ помощники на неопредѣленное время.

